

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

«МЫ ОСТАЕМСЯ СОЛДАТАМИ...»

ЕГО ПОРТРЕТ в музее Брестской крепости. Под стеклом, в рамке. Признаюсь: там, в торжественной тишине зала, я несколько раз перечитал лаконичную подпись под ним, из которой следовало, что этот человек ЖИВ...

Их мало, очень мало — оставшихся в живых героев Бреста. Тех, кто начал сражаться в четыре утра 22 июня. Тех, кто самыми первыми в этой войне показали миру образцы небывалого мужества. Тех, кого сегодня называют людьми из легенды.

Он один из них, немногих, — Николай Степанович Белоусов. В сорок первом — красноармеец, полковой библиотекарь и руководитель художественной самодеятельности части, а в семидесятом — народный артист РСФСР, актер Тульского государственного драматического театра имени М. Горького.

— Первый час, первый день войны, первые бои — каким все это сохранила ваша память?

— Я вспоминаю тихий, какой-то даже слишком тихий день 21 июня. Наверное, такое ощущение осталось потому, что он был последним днем мира... Вечером в клубе показывали фильм «Валерий Чкалов» и киножурнал «Военная присяга». Вернувшись после просмотра в полковую библиотеку, я лег спать — раскладушка моя стояла там же, в подсобке.

Проснулся от страшного взрыва. Был выброшен из постели, контужен, почти тотчас потерял сознание. Но в какие-то доли секунды до того, как впал в беспамятство, успел взглянуть на часы. На них было 4 часа 15 минут — это крепко запомнилось.

Пришел в себя и сразу понял, что вот-вот задохнусь. От кирпичной пыли. Она набилась в нос, рот, глаза. Казалось, весь я начинен ею. Кругом был настоящий ураган: оглушительные взрывы, стрельба. Заставил себя встать. Рядом был пулемет. По звуку узнал — наш. Стал пробираться к нему. И добрался...

— Что же было дальше?

— Дрались. Как говорится, не на жизнь, а на смерть дрались. Помню, мне с товарищами пришлось выбивать немецких разведчиков, проникших в крепость, видимо, еще в ночь на 22 июня. У них была прекрасная позиция: стреляли нам в спину... А сами неуязвимы. Но все-таки мы уничтожили фашистов.

На второй день нашу группу возглавил Василий Иванович Бытко — начальник полковой школы, старший лейтенант, орденосиц. У нас в полку его очень любили, называли «Чапаев». И не потому, конечно, что был он тезкой легендарного командира. За храбрость, за сметливость, за умение поддерживать бойца в самую трудную минуту — вот почему так нарекли Бытко.

Дни и ночи сливались в одно. Люди забыли о еде и сне. Только бой, только стремление побольше пережить этих годов, посмеявших посяг-

нуть на нашу землю. Но вот что показательно: даже в те дни ребятам не изменяло чувство юмора. Хорошо помню совсем молоденького бойца-первогодка, раненного... в пятку. Он смешило скакал на одной ноге и все сокрушался по поводу «позорного ранения». Ведь могут подумать, что он спиной к врагу повернулся, раз пуля угодила в такое место. Парень чуть не плакал от досады. А мы подтрунивали над ним...

Прошла неделя. Нас осталось совсем мало. Попытки пробиться через вражеское кольцо, связаться со своими ничего не дали. И все-таки Бытко решил попробовать еще раз. Он поручил это троице бойцам. В их числе был и я.

Все последующее — точно в кино. Стремительно. Отчаянно смело. И когда уже казалось, что задание выполнено, мы все трое были сбиты с ног... Плен!

— Николай Степанович, я понимаю, что много мук выпало на вашу долю в фашистском плену, понимаю, что и сегодня трудно, больно касаться этого... Знаю также, что вы в конце концов бежали из гитлеровского концлагеря. Когда и как это случилось?

— Видите ли, бежал я дважды. Первый побег был своеобразной генеральной репетицией, что ли.

— Понятно. Итак, «генеральная репетиция» произошла...

— В апреле сорок второго. Но, как вы догадываетесь, от стремления убежать до практической реализации этого стремления — немалая дистанция. И не знаю, смог бы я ее самостоятельно одолеть. Дело решило знакомство с Юрием Лысовым. Он был заместителем политрука. Окончил три курса филологического факультета Самаркандского университета. В плен его взяли раненым. Встретились мы в лагере под Бялой Подлясей. Ему, как и мне, едва исполнилось двадцать три... Непримиримый. Убежденный. Бесстрашный. Для меня он был живым воплощением Корчагина, ежедневным напоминанием о долге перед Советской Родиной.

В апреле 1942 года мы находились в лагере под Краковом. Это было страшное место. Военное укрепление, старый форт, а попросту говоря, подземелье, закупоренное со всех сторон. Ни воздуха, ни солнечного луча. Так пленные жили полтора месяца. Наконец впервые вывели на работы — и в тот же день мы с Юрием убежали. Сейчас мне это представляется совершенно фантастичным: середь бела дня, на глазах часовых... Короче, повезло.

Куда идти — знали. Еще в преддверии лагеря завели знакомство с Юзефом Хасеком — поляком, местным жителем. Помнили его слова: «Удастся бежать — приходите ко мне, помогу».

И помог. Хасек оказался настоящим человеком. Несколько лет назад он приезжал в Советский Союз, мы встретились по-братски. И, между прочим, вспомнили, как по просьбе Юзефа мы с Юрием пели «Интернационал». В подвале его дома, негромко... Но пели!

Наш путь к своим — это путь всех беглецов с фашистской каторги. Длительные голодовки, смерть, подстерегающая на каждом шагу. Тут повторяться не стоит...

Линию фронта перейти не удалось. Нас схватили. Что потом? Зверские избиения. Кандалы. Варшавская тюрьма. После снова концлагерь.

— Когда был второй побег, Николай Степанович?

— Летом сорок четвертого. Случилось так, что в этот раз Юрий Лысов не смог со мной бежать. Он пробился к нашим немного позже... В сентябре я уже находился в Действующей армии. Вместе со своим артиллерийским полком освобождал Варшаву. Брал Берлин.

— Хочу задать очень неоригинальный вопрос: как вы стали артистом?

— Тут, пожалуй, надо по порядку. Придется возвратиться в сорок первый год. Именно тогда, проверив себя на самодеятельной сцене, я решил поступать в театральный институт. И даже получил на то, по-

скольку был на действительной службе, специальное разрешение начальства. Рассчитывал летом ехать в Москву, сдавать экзамены...

Война поломала планы «Кольки-артиста» — так меня звали ребята в полку. А во второй раз она их поломала в сорок шестом году...

— В сорок шестом?..

— Да, хотя и звучит это по меньшей мере странно. А дело было так. Вернувшись с войны, я узнал, что мой старший брат Александр, ротный пулеметчик, кавалер ордена Славы, уже долгие месяцы находился в астраханской больнице. Поехал к нему. Узнаю: после тяжелого ранения брат лишился речи, прикован к постели. Врачи говорят, что надежды нет, медицина бессильна, Александра ждет инвалидный дом...

Там же, в Астрахани, снял комнату, забрал Александра к себе...

— Значит, мечта о театре снова...

— Нет, меня взяли в местный театр. Играл эпизодические роли и в то же время учился в студии при театре и был сиделкой у постели брата...

— А брат?

— Выздоровел! Медицина обманулась. Но прошло семь лет, прежде чем он перестал нуждаться в моей помощи. Сейчас Александр здоров...

— Война и театр, ратный опыт человека и сценическая жизнь актера — как соотносятся это? Реальность, невыдуманность драмы солдата и условность ее художественного воплощения — как совместить такое?

— Насколько я понимаю, тут речь идет прежде всего о сердце человека, о его вечно живой памяти. Так вот: все это, конечно же, помогает в актерской работе. Представьте себе... Лютая зима сорок третьего. Концлагерь. Умирающий латыш коммунист. И мы, склонившиеся над ним, слышим сквозь кашель и хрипы: «Главное — не забывать о Родине. Слышите, товарищи? Главное...».

Мог ли я не думать об этом, работая, скажем, над образом капита-

на Громова в героической драме Сергея Сергеевича Смирнова «Люди, которых я видел»? Конечно, нет. Ведь история Громова — почти буквальное повторение моей судьбы, судьбы Юрия Лысова и сотен, тысяч таких, как мы.

— Я знаю, тема войны красной нитью проходит через ваше творчество. Что из созданного представляется вам наиболее значительным и в то же время особенно близким?

— Теркин — очень любимая мною роль. Стала ли она по-настоящему значительной — судить не могу. Разведчик Николай Кузнецов, начдив Гулевой... Вот образы, над которыми я в разное время работал. Но началось все со «Славы» Виктора Гусева, где «Колька-артист» исполнил роль летчика Мотылькова. Спектакль был поставлен в мае 1941 г. в гарнизонном клубе Брестской крепости.

— Николай Степанович, вам часто приходится выступать перед молодежью — в школах, в воинских частях, в профессионально-технических училищах. Сейчас я говорю о выступлениях Белоусова — ветерана войны, защитника Бреста, а не актера. Что вы думаете об этой своей работе, как ее расцениваете?

— Знаете, вы затронули очень важную для меня тему. Заговорили о том, о чем я постоянно думаю... Да, выступаю часто, нередко вместе с героями, видными военачальниками. Их рассказами заслушаться можно... Но бывает и по-другому. Вот, к примеру, слушал недавно выступление одного ветерана — человека мужества необычайного. Но о чем он говорил? О страданиях солдата на войне, о самых будничных, неприглядных ее сторонах. А где героика войны против фашизма? Где духовное превосходство нашего солдата? Где то главное, что привело нас к победе? Нет, мне не нравится, когда солдат-победителей изображают страдальцами.

— Хочу продолжить разговор о военно-патристическом воспитании молодых. Давайте обратимся к театральному репертуару...

— Знаете, на мой взгляд, тут нам тоже часто мешает тема страдания и боли, которая откровенно выплывает во многих военных пьесах. А к чему это подводит молодого зрителя? К тому, что война — страшный ад. Но ад-то этот нам помогала победоносно пройти убежденность в наших коммунистических идеалах, великая сила духа советского народа. Как же можно об этом — самом важном! — скороговоркой да между прочим...

— А теперь опять-таки в развитие нашей темы — уже о выступлениях Белоусова-актера. Я говорю о вашей концертной деятельности, Николай Степанович.

— У меня есть программа, названная «Страницы великой жизни». Она посвящена Ленину и была подготовлена к юбилею вождя. Это воспоминания об Ильиче самых разных людей — родных и близких, видных деятелей партии, рабочих... Хронологически выбран самый важный период в жизни Ленина — с апреля 1917-го до последнего дня в Горках.

— Насколько я понял, в основу этой программы положен действительно факт, документ?

— Именно так она задумана. Ведь интерес к документальному материалу о Ленине сегодня необычайно велик. Где бы я ни выступал — в колхозе, цехе, воинской части, обязательно после концерта вопросы: откуда взят такой-то факт из жизни Ленина, где можно прочитать о том-то? Такое отношение очень показательно...

— Видимо, это не единственная ваша концертная программа?

— Да. Вторая рассказывает о героических днях войны. Тут стихи Твардовского и Симонова, отрывки из романа «Они сражались за Родину» Шолохова и «Русский характер» Алексея Толстого... И коль скоро зашла об этом речь, рискну взглянуть в будущее: сейчас готовлю стихи Николая Отрады — поэта, погибшего еще в финскую войну. Совсем недавно узнал, что под псевдонимом «Отрада» писал друг моей ранней юности Коля Турочкин... Стоит ли говорить, какие чувства переполняют меня в работе над его стихами? Очень боюсь громких слов, но поймите правильно: для меня — это долг сердца, долг памяти. Хочу, чтобы его стихи и сегодня служили тому делу, за которое он отдал жизнь.

— Николай Степанович, теперь о вашей переписке... Ведь, по существу, это одна из граней работы по военно-патристическому воспитанию?

— По-моему, да... Пишем много. И отпечатать поэтому на них трудно, но совершенно необходимо. Пишут чаще всего из школ. Обычно вопросы касаются подробностей защиты Брестской крепости, личных судеб моих однопольцев. Просят поделиться воспоминаниями. Просят помочь в организации музеев, комнат боевой славы. Разумеется, делаю что могу... Приходят письма от родных и близких погибших. В некоторых из них до сих пор теплится надежда...

— Может быть, мы возьмем наугад несколько писем? Вот это из школы № 17 города Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области... Второе — от красных следопытов школы № 329 Ленинграда... Затем от совета музеев боевой славы, тоже школа, поселок Третья Паль, Сахалин... Разнообразная география! Но все-таки вернемся на запад страны. Мы начали разговор о Брестской крепости с 22 июня 1941 г. А когда вы были там последний раз?

— 25 июня 1961-го. В то лето по инициативе Сергея Сергеевича Смирнова в крепость съехались ее защитники, родственники погибших.

Кто-то в тот день написал стихи. Безыскусные, мужественные. Они всем понравились. Помню, там были такие строки о тех, кто стоял насмерть:

Перед глазами только Польша, А сзади — всей России сине. И пету сил держаться больше, И не держаться нелюбим...

— «И не держаться нелюбим» — именно солдат так мог сказать...

— Правильно. Мы и сегодня остаемся солдатами.

Вел беседу Ю. ЛЕСОХИН, спец. корр. «Советской культуры».

БРЕСТ — ТУЛА.